

полагал, что наша жизнь не что иное, как некое восхождение и нисхождение: недаром он и говорит в том месте, где рассуждает о юности и старости, что юность не что иное, как прибавление жизни. Из-за указанной выше неровности дуги трудно установить, где находится высшая точка этой дуги; однако я полагаю, что для большинства людей она находится между тридцатым и сороковым годом жизни, и думаю, что у людей от природы совершенных она совпадает с тридцать пятым. Здесь я исхожу из следующего соображения: наилучшим естеством обладал наш Спаситель, Иисус Христос, пожелавший умереть, когда Ему исполнилось тридцать четыре года; ведь Божеству не подобало идти вспять и нельзя предположить, что Оно не хотело достигнуть вершины нашей жизни, побывав в детстве на самой низкой ее ступени. Это подтверждается не только днем, но и часом Его смерти, поскольку Он хотел, чтобы этот час отвечал достигнутому Им возрасту, а Лука говорит, что было около шестого часа, когда Он умер, иначе говоря, вершина дня. Из этого «около» и можно заключить, что вершина возраста Христа приходилась на Его тридцать пятый год.

Так понимали дугу эту все, кто когда-либо о ней писал; однако если учитывать четыре возможных сочетания противоположных качеств, в данном случае сочетаний, которым – я говорю о каждом из них, – по-видимому, отвечает определенный отрезок нашей жизни, то жизнь эта делится на четыре периода, именуемых возрастами. Первый – это Юность, которой соответствуют жар и влага; второй – Зрелость, которой свойственны жар и сухость; третий – Старость, которой отвечают холод и сухость; четвертый – Дряхлость, которой отвечают холод и влага, как пишет Альберт в четвертой книге «О метеорах». Эти сроки подобным образом членят и год – на весну, лето, осень и зиму; а также и сутки – до третьего часа, и далее до десятого (оставляя шестой на середине этого отрезка по очевидной причине), и далее до вечера, и от вечера еще дальше. А потому неверующие, то есть язычники, говорили, что в солнечную колесницу запряжено четыре коня: первого они называли Эойем, второго Пироем, третьего Этоном и четвертого Флегоном, как о том пишет Овидий во второй книге «Метаморфоз». Относительно членения суток следует вкратце напомнить, что, как говорилось выше, в шестой главе третьего трактата, церковь пользуется в делении их на часы часами суточного времени, которых в каждых сутках двенадцать, длинных или коротких в зависимости от количества солнечного света; а так как шестой час, то есть полдень, самый благородный в сутках и самый мощный, церковь свои службы по возможности к нему приближает. А потому служба первой части суток, а именно третья, справляется в конце этой части, служба же третьей и четвертой справляется в начале этих частей. А потому средняя третья справляется до того, как отзвонят эту часть суток, а средняя девятая – после того, как отзвонили эту часть суток, и точно так же и среднюю вечернюю. И пусть таким образом знает каждый, что к точному девятому часу надо всегда звонить в начале седьмого суточного часа.

## XXIV.

Возвращаясь к предмету, повторяю, что человеческая жизнь делится на четыре возраста. Первый – Юность, то есть «умножение жизни»; второй – Зрелость, «возраст, способный помочь», то есть придать человеку совершенство, и потому он считается совершенным, – ибо ни один возраст не может дать ничего, кроме того, что он уже имеет; третий – Старость; четвертый – Дряхлость.

В отношении первого все мудрые люди сходятся на том, что он длится до двадцати пяти лет; а так как до этого срока душа наша занята взращиванием и украшением тела, от чего происходят многочисленные и великие превращения в человеческой личности, рациональная часть души далека от совершенства. Потому закон и требует, чтобы человек до достижения двадцатипятилетнего возраста не мог совершать определенных действий без совершеннолетнего опекуна.

Что касается зрелости, которая поистине есть вершина нашей жизни, то сроки ее измеряются многими по-разному. Однако, оставляя в стороне то, что пишут философы и медики, обращаясь к собственному своему разумению, а также к мнению большинства людей, отличающихся природной рассудительностью, я полагаю, что возраст этот длится двадцать лет. Я считаю так потому, что если вершина нашей дуги соответствует тридцати пяти годам, то возраст этот должен обладать одинаковым по длине подъемом и спуском, которые граничат примерно в том ме-